

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

«БРАТСКАЯ МОГИЛА ЭКИПАЖА»

**САМОХОДКИ
В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»**

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**«Братская могила
экипажа». Самоходки в
операции «Багратион»**

«Яуза»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Першанин В. Н.

«Братская могила экипажа». Самоходки в операции «Багратион»
/ В. Н. Першанин — «Яуза», 2016 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

ISBN 978-5-699-86546-8

НОВЫЙ фронтовой боевик от автора бестселлера «Самоходка по прозвищу «Сука». Новые атаки отчаянных самоходок Су-76, которые из-за слабой брони и открытого боевого отделения на фронте прозвали «брезентовым фердинандом», «сукой» и «братской могилой экипажа». Однако эти легкие подвижные машины с мощной пушкой и высокой проходимостью, ставшие самыми массовыми САУ СССР, сыграли огромную роль во второй половине войны. Особенно отличились экипажи «брезентовых фердинандов» в легендарной операции «Багратион» – в лесах и болотах Белоруссии вездесущие маневренные Су-76 оказались просто незаменимы: прорывались там, где вязли даже «тридцатьчетверки», наносили неожиданные фланговые удары, подавляли огневые точки, захватывали переправы и плацдармы, замыкая «котлы», в которых сгинула элита Вермахта... Этот роман – дань светлой памяти «тружеников войны», разгромивших группу армий «Центр». Они горели заживо в подбитых самоходках, они истекали кровью в «братских могилах экипажа» – но без их подвига не было бы Великой Победы.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86546-8

© Першанин В. Н., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Глава 1. Белоруссия, июнь сорок четвертого года	7
Глава 2. Удержать плацдарм	21
Глава 3. Горят деревни...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Першанин
«Братская могила экипажа».
Самоходки в операции «Багратион»

© Першанин В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1. Белоруссия, июнь сорок четвертого года

Девять легких самоходно-артиллерийских установок «СУ-76», пройдя два километра по бревенчатой гати, выбрались на сушу через болото и разворачивались в боевой порядок. Десятая машина из двух передовых батарей провалилась сквозь подломившиеся бревна в глубокую топь.

В этом месте, среди болот, озер и леса, у немцев, по сведениям разведки, отсутствовала сплошная линия обороны. Но посты боевого охранения среагировали на появление русского бронетанкового отряда оперативно.

Стреляла немецкая самоходная установка «хетцер», приземистая и широкая, со скошенной рубкой. Эти машины именовались «истребители танков», имели на вооружении удлиненную 75-миллиметровую пушку и лобовую броню шесть сантиметров.

Расстояние до «хетцера» составляло метров триста. Но взять точный прицел немецкому наводчику помешал колыхающийся рассветный туман и резкий вираж, который сделал опытный механик-водитель Алесь Хижняк.

У «СУ-76» лобовая броня была вдвое тоньше, чем у «хетцера». Снаряд, выпущенный с такого расстояния, мог с ходу поджечь «сушку» или разломить боевую рубку. Самоходка нырнула в ложбину, а раскаленная болванка врезалась в осину. Напитанное соком июньское дерево приняло удар, разломившись на части. Верхняя половина, падая, вспыхнула от жара. Наводчик «СУ-76» сержант Федосеев успел выстрелить, но тоже промазал.

Заряжающий Костя Бурлаков выбросил дымившуюся гильзу и загнал в казенник новый снаряд. Небольшого роста, широкий в плечах и груди, он оставался всегда спокойным и флегматичным, но пролетевшая рядом немецкая болванка заставила его пригнуться.

Осина горела шипящим пламенем, вспыхивали зеленые листья. Самоходка «СУ-76» имела наполовину открытую рубку. Брезент, за который легкая машина получила в числе других кличек прозвище «брезентовый фердинанд», был снят для лучшего обзора.

Этот снаряд, его жар и толчок горячего воздуха Бурлаков почувствовал всем телом. Второй выстрел может оказаться смертельным. Он невольно съежился, прижимаясь к тонкой боковой стенке рубки.

За прицелом уже сидел комбат Павел Карелин. За полтора года войны он настрелялся и в сложной ситуации часто вел огонь сам. «Сушка», не превышающая по массе легкий танк, была вооружена одним из лучших советских орудий, знаменитой пушкой «ЗИС-3».

Вести огонь из ложбины снизу вверх было несподручно. Старший лейтенант видел лишь верхнюю часть «хетцера», однако выбирать не приходилось – промедление могло закончиться плохо. Карелин нажал на спуск.

Снаряд врезался в покатую лобовую броню рубки, левее орудийной «подушки». Брызнул сноп искр. Болванка вмяла с полметра брони и ушла рикошетом, оставив в верхней части оплавленную пробоину величиной с ладонь.

Немецкий наводчик был убит динамическим ударом. Его небольшой металлический шлем сплющило вместе с головой. Оглушенный командир «хетцера» тянулся к прицелу, но делал это медленно.

Зато мгновенно среагировал механик-водитель. Он уводил машину под прикрытие деревьев, понимая, что продолжать бой некому.

– Куда удираешь? Вперед, – с трудом шевелил губами девятнадцатилетний лейтенант, командир «хетцера».

– Машина повреждена, а вы ранены, – отозвался механик.

Может быть, лейтенант и настоял бы на своем, но сильный толчок на одном из ухабов отбросил его и ударил головой о броню. Кажется, он потерял сознание – из носа вытекала тонкая струйка крови.

«Так лучше», – бормотал механик. Лейтенант лишь недавно закончил танковую школу и рвался в герои. Унтер-офицер сидел за рычагами третий год, много чего повидал и считал, что самое лучшее – отступить. Опытный наводчик мертв, на заряжающего надежды мало, а лейтенанта приложило крепко.

Тем временем Хижняк гнал машину по склону ложбины. Его окликнул Карелин:

– Давай наверх. Отсюда ничего не видно.

– Куда наверх! Под снаряды? Вон, уже один наш «фердинанд» горит. С фланга надо зайти.

Павел Карелин и Алесь Хижняк воевали вместе полтора года. Непостижимый срок для экипажа легких самоходок. Два раза горели, успевая выскочить из подбитой машины, лежали вместе в санбатах и хорошо понимали друг друга.

Самоходно-артиллерийский полк больше месяца находился на переформировке. Люди быстро отвыкают от войны. Даже бывалый механик Хижняк, с нетерпением ждавший начала наступления на немцев в своей родной Белоруссии, растерялся в первом бою.

Вряд ли сержант Хижняк думал о каком-то фланговом ударе. Полтора года войны и несколько ранений дают не только опыт, но и крепко расшатывают нервы.

Машины три часа шли по хлюпающей, ненадежной гати. Лопались бревна, и самоходки проваливались порой по ступицу. Десантники брели следом, не желая рисковать, сидя на броне. Из «сушки», утонувшей в холодной топи, сумели выбраться лишь наводчик и заряжающий – она ушла в глубину мгновенно.

И вот теперь горела неподалеку самоходка, и сами они чудом ушли из-под снарядов «хетцера». Наверху ревели моторы и, опережая друг друга, гремели орудийные выстрелы. Но спорить с комбатом Алесь Хижняк не рискнул. Машина выскочила наверх.

Старший лейтенант торопливо огляделся. Две самоходки его батареи двигались вперед. Одна застряла среди редкого хилого березняка, кажется, перебило гусеницу. Это была машина лейтенанта Сани Зацепина, его заместителя.

В сторону подбитой самоходки летели бронебойные болванки, срезало несколько молодых берез. Взрыв фугасного снаряда поднял фонтан земли и ломаных кустов.

Зацепин, воевавший с сорок третьего года, на огонь не отвечал. Какой толк? Самоходка не танк с вращающейся башней, угол поворота орудия в рубке всего ничего. Экипаж лихорадочно возился с гусеницей.

Карелин понимал, что старый товарищ угодил в ловушку. Один из снарядов рано или поздно достанет обездвиженную машину. Но откуда бьют по Зацепину, определить пока не мог, стрельба шла со всех сторон.

Кроме того, нельзя было терять из виду две машины своей батареи, которые тоже продвигались вперед под огнем. Он связался по радию с Иваном Евсеевым, командиром одной из самоходок. Младший лейтенант возбужденно доложил:

– «Хетцеров» тесним. Упираются, гады, но одного мы уже прикончили.

– Чья машина горит? – спросил Карелин.

– Бакулинский «фердинанд» нарвался. Кто-то из молодняка.

«Бакулинский» означало, что горит самоходка из второй батареи капитана Бакулина, который командовал сейчас штурмовой группой из двух батарей и ротой десанта. Полчаса назад капитан матом выговаривал комбату Карелину за плохую подготовку механиков – утонула в болоте самоходка из его третьей батареи.

Из короткого разговора с Евсеевым выяснилось, что поврежденную машину Зацепина обстреливает противотанковая 75-миллиметровка, которая давно получила кличку «гадюка» за длинный тонкий ствол и набалдашник дульного тормоза, похожий на змеиную голову.

– Вон она, вижу тварь, – Карелин высмотрел в бинокль блестящий ствол и вспышку выстрела. – Если ее не прикончим, экипажу Зацепина конец. – Затем добавил, обращаясь к младшему лейтенанту Евсееву: – Иван, осторожней действуй. Воевать толком не начали, а три машины в строю остались.

– Так точно, товарищ комбат, – весело отозвался младший лейтенант Евсеев, который всего полтора месяца назад закончил ускоренные курсы самоходчиков.

«Хетцер», получивший пробоину в верхней части рубки, пытался добраться до временной оборонительной позиции. Его командир так и не пришел в себя. Место у орудия занял заряжающий, обер-ефрейтор. Он умел обращаться с прицелом, но русские самоходки наступали слишком шустро.

Здесь наступления не ожидали. Довольно обширный участок, окруженный с трех сторон болотом, контролировали пехотный взвод, противотанковый расчет и самоходная зенитная установка. Переправу русские саперы прокладывали ночами. Бревна заготавливали в другом месте, действовали тихо, и поэтому она была обнаружена с опозданием.

Однако охранение сработало оперативно. Когда послышался шум моторов, сюда срочно перебросили четырехорудийную батарею «хетцеров» и два штурмовых орудия, таких же приземистых, но более массивных, с небольшой, утопленной в корпус рубкой.

И «хетцеры» и штурмовые орудия, широко используемые вермахтом, чаще именовались «штурмгешютце» или сокращенно «штуги». Они были опасны своей компактностью, легко маскировались, имели сильное 75-миллиметровое орудие и сравнительно толстую броню.

Приземистые «штуги» хорошо маскировались среди редкого болотистого леса, кустарника, имели меньший вес, чем танки. Все шесть машин и противотанковая пушка ударили неплохо, но смогли лишь приостановить атаку.

Капитан Бакулин служил в артиллерии более десяти лет, имел достаточный опыт и придерживал семь оставшихся в строю машин. Воевавшего с января сорок третьего года Павла Карелина он считал скороспелым комбатом и постоянно одергивал.

Юрий Акимович Бакулин закончил полный курс артиллерийского училища, командовал взводом, а затем батареей трехдюймовых пушек «Ф-22». Он считал несправедливым, что его, кадрового офицера, после одиннадцати лет службы в артиллерии и переподготовки назначили снова командиром батареи. При этом Бакулин забывал, что Павел Карелин повоевал куда больше, чем он, был несколько раз ранен и считался в полку одним из наиболее опытных и решительных командиров батареи.

Сам Бакулин около года преподавал на курсах младших лейтенантов. Несколько месяцев служил при штабе дивизии и был направлен в самоходно-артиллерийский полк в начале сорок четвертого года в связи с острой нехваткой командного состава.

Сейчас он растерялся. Вышли из строя три самоходки, причем две машины были утеряны безвозвратно. Атака продолжалась, но активность замедлилась. Экипажи самоходов не рисковали приближаться к «штугам» и вели маневренный бой, помня, что с их броней в три сантиметра лезть на рожон слишком опасно.

Капитан Бакулин считал, что здесь более эффективнее действовали бы танки, особенно новые «Т-34-85» с усиленной броней и 85-миллиметровыми пушками.

Но танки весили более тридцати тонн, а переправа была рассчитана на легкие машины и пехоту. Это было еще не наступление, а разведка боем.

Кроме того, Бакулин заблуждался, думая, что «тридцатьчетверки» с легкостью бы проломили оборону. Лесисто-болотистая местность и небольшая дистанция, на которой велся бой, не давали преимущества тяжелым и громоздким, по сравнению с самоходками, новым танкам.

Капитан терялся, и это видели подчиненные. Он имел за спиной два-три сравнительно удачно проведенных боя, но сейчас ему доверили задание, от которого зависел его дальнейший авторитет.

Бакулин связался по радиации с Карелиным и требовательно спросил:

– Почему топчешься на месте?

Вопрос не имел смысла. С таким же успехом он мог бы задать его самому себе.

– Двигаемся по назначенному маршруту, – отозвался старший лейтенант.

Карелина раздражала нерешительность Бакулина. Глядя на него, слишком осторожно действовали экипажи второй батареи. Но главная задача для старшего лейтенанта была сейчас уничтожить противотанковую пушку и выручить подбитую самоходку Сани Зацепина.

– «Гадюка» самоходку лейтенанта Зацепина добивает. Хочу ее прикончить.

– Что, обязательно сам? Некого послать?

– Она ближе всего ко мне.

– Действуй, – одобрил его решение Бакулин.

Он знал, что скоро должен появиться командир полка Тюльков, которому очень не понравится, что, толком не начав наступление, батареи теряют одну машину за другой.

Карелин осторожно приближался к замаскированной среди деревьев «гадюке». Времени на разговоры у него не было. В эти же минуты механик-водитель продырявленного «хетцера» увидел идущую наперерез русскую самоходку. Это была «сушка» младшего лейтенанта Евсеева.

– Русская «штуга» слева! – крикнул механик, разворачивая машину стволом к цели.

Он предпочел бы отступить дальше, но от снаряда не убежишь. Заряжающий выстрелил, промахнулся и попытался перезарядить орудие.

– Не успеем, – ахнул механик-водитель.

Бронебойная болванка врезалась под орудийную «подушку» и заклинила ствол. Масло из пробитого откатника попало на раскаленный снаряд и, шипя, загорелось дымным пламенем.

Контуженный механик кое-как выбрался наружу. Заряжающий тащил к люку командира «хетцера». Дым не давал ему дышать, но ефрейтор все же вытолкнул лейтенанта на броню. Начал вылезать сам, но приближалась другая русская самоходка.

Две «сушки» выстрелили одновременно. Кто-то из двоих попал в цель. Бронебойный снаряд угодил в моторное отделение, огонь охватил машину.

Стреляли комбат второй батареи капитан Бакулин и младший лейтенант Иван Евсеев, командир самоходки из третьей батареи. Евсеев угодил под орудийную «подушку». Кто добил «хетцер» – было непонятно. Главное, немец вышел из строя.

Обе батареи действовали по обстановке. Машина Карелина нацелилась на противотанковую пушку. Расчет «гадюки» вырыл капонир на лесистом склоне холма, перед ними было открытое место и удобный обзор.

Снаряд, выпущенный Федосеевым, взорвался с недолетом. Немецкие артиллеристы, видя новую опасность, разворачивали ствол в сторону самоходки Карелина.

– Дорожка! – скомандовал старший лейтенант.

Хижняк, уже попадавший под огонь «гадюки», неохотно тормознул. «Рискует командир», – подумал он. «Сушка» стояла на открытом месте, а до немецкой пушки с ее сильным и точным боем оставалось не более трехсот метров.

– Сейчас мы тебя, паскуду, возьмем, – бормотал наводчик Федосеев, накручивая ручку вертикальной наводки.

– Никита, заснул, что ли! – не выдержал заряжающий. – Бей, пока нас не прикончили. Снаряд уже в казеннике.

На самом деле прошло всего несколько секунд. Просто в подобной ситуации время тянется очень долго. Не выдерживали нервы. Немецкая пушка на таком расстоянии не промахнется и прошибет их броню и рубку насквозь. Сержант Федосеев нажал на спуск.

Отдача орудия встряхнула легкую машину, а осколочный снаряд взорвался рядом с «гадюкой» – точнее мешала разглядеть густая высокая трава.

– Вперед! Заснул, что ли, – толкнул механика Карелин.

Хижняк рванул, как пришпоренный. Лязгнул затвор, принимая в казенник новый снаряд. Капонир, где стояла 75-миллиметровка, заволокло дымом. Осколки выкосили в траве плешину, а сквозь дым угадывался задранный ствол.

– Испеклась, тварь!

Одна из самоходок, зайдя с фланга, ударила в борт «штугу». Раскаленная бронебойная болванка, пробив броню, смяла казенник пушки, разорвала тело заряжающего и врезалась в боеукладку.

В лопнувших гильзах загорелся артиллерийский порох. Огонь и дым наполнили рубку. Командир машины, немецкий лейтенант, воевавший в России с сорок первого года и уже горевший под Смоленском, среагировал мгновенно.

Он выскочил через верхний люк. На нем тлели комбинезон и ботинки. Подгоня лейтенанта, вслед хлестнул скрученный язык огня. Успел выпрыгнуть и механик. Наводчик, громоздкий унтер-офицер, сумел открыть боковой люк, но, задыхаясь от дыма, потерял сознание.

Экипаж второй «штуги» видел, как взорвались от детонации несколько снарядов. Затем вспыхнул боезапас, сразу четыре десятка снарядов. Плоскую рубку вспучило, вышибло верхний люк, лопнула в нескольких местах броня.

Из огненного клубка вылетали железяки, смятые гильзы, куски тел наводчика и заряжающего. «Штуга» была загружена снарядами под завязку, и рванули они в полную силу.

Экипаж второй «штуги» продолжал посылать снаряды, невольно оглядываясь на огромный костер. Самоходка из батареи капитана Бакулина угодила снарядом в пол брюхо «штуги». Болванка не пробила броню. Ушла рикошетом под днище и надорвала гусеницу в кормовой части машины.

Ответный снаряд пробил массивный кожух орудия «ЗИС-3», небольшой щит, и наискось прошел по броне, контузив сильным ударом командира самоходки.

Сорванное с креплений орудие вышло из строя. Механик уводил подбитую «сушку» в ложбину. Еще один снаряд, выпущенный вслед, пробил кормовую броню рубки, сбил с ног сержанта-заряжающего, рассыпая сноп искр.

Несколько раскаленных крошек угодили в наводчика, но он не почувствовал боли. Посмотрел на смятый, откатившийся до упора казенник. Потряс за плечо заряжающего, не сразу заметив огромную рваную рану на боку и растекающуюся лужу крови.

Перешагнув через тело товарища, нагнулся над лейтенантом, командиром машины.

– Вы живы, товарищ лейтенант?

Тот с усилием открыл глаза, не понимая, что произошло.

– Машина горит? – приподнялся он, хватаясь за броню.

– Нет. Комбинезон тлеет... вот черт!

Наводчик, плюнув на ладонь, погасил мелкие тлеющие отверстия в комбинезоне.

– Почему орудие молчит?

– Потому что два попадания! – закричал наводчик – Гришку насквозь просадило, и орудие разбито. Понятно?

Но лейтенант снова потерял сознание.

Бессильный что-либо сделать, наводчик схватил автомат и длинными очередями ударил по брустверу траншеи, откуда вел огонь пулемет «МГ-42». Механик наконец довел «сушку» до ложбины и облегченно вздохнул.

– Пронесло, – с усилием выдохнул он, вытирая пот со лба.

Немецкий механик-водитель тоже пытался спасти свою поврежденную «штугу», но только глубже зарывался в болотистую землю. Окончательно завяз во влажной почве и сделал попытку выползти, не давая полного газа – «штуга» весила 24 тонны.

Вытащить ее на буксире было некому, «хетцеры» имели массу 16 тонн. Требовались две машины, но обе вели бой. Самоходка Бакулина выстрелила и разбила ведущее колесо «штуги». Машина была обречена.

В неподвижную цель всадили еще несколько снарядов, и «штуга» задымила. Выскочили три человека из экипажа, но подоспевшие десантники уложили двоих автоматными очередями. Третий сумел убежать.

Младший лейтенант Иван Евсеев, удачно подковавший «хетцера», внезапно увидел перед собой зенитную установку, выползающую из-за деревьев. Длинноствольная 37-миллиметровая пушка, установленная на шасси восьмитонного тягача, была опасна не только для самолетов. Имея скорострельность два выстрела в секунду, она пробивала на расстоянии ста метров броню толщиной 36 миллиметров.

Евсеев отчетливо разглядел, как длинный с раструбом ствол поворачивается в его сторону. Наводчик, опытный сержант, не сумел опередить зенитный автомат на вращающемся лафете.

Немецкие зенитчики были натренированы мгновенно ловить цель. Сразу два снаряда ударили по броне, словно огромное зубило, еще несколько штук пронеслись над головой. Затем снаряды посыпались градом. Машину спасало то, что зенитный расчет поспешил и не подпустил русскую самоходку поближе. Небольшие снаряды оставляли на скошенной броне глубокие вмятины и рикошетили в стороны.

Наводчик самоходки Евсеева тоже выпустил бронебойный снаряд и на секунду приподнялся, чтобы лучше разглядеть цель. Зенитный снаряд ударил его в голову, из-под разорванного танкошлема брызнула кровь.

Заряжающий из новичков ахнул и попятился назад, когда рядом с ним свалилось тело товарища, а кровь густой темной лужей растеклась по рубке. Его отрезвил выкрик младшего лейтенанта:

– Фугасный... быстрее!..

– Уже зарядил.

Прежде чем Евсеев выстрелил, еще два зенитных снаряда пробили наружный щит орудия и застряли в лобовой броне рубки.

В такой обстановке, когда тебя расстреливают с двух сотен метров, а рядом лежит погибший товарищ, легко промахнуться. Но Ваня Евсеев попал в цель.

Шестикилограммовый снаряд (молодец заряжающий, догадался зарядить фугас) взорвался под капотом зенитной установки. Взрывом вынесло, отбросило в стороны оба передних колеса, загорелся двигатель. Перекосило лафет, погнуло длинный тонкий ствол, расчет раскидало рядом с горящей машиной.

Это стало переломным моментом боя. Два уцелевших «хетцера», отстреливаясь, уходили в глубь леса. Десантная рота под командой капитана Александра Бобича выбила из траншеи немецкий взвод.

Пехотный батальон быстрым шагом перебирался через ломаные или треснувшие бревна болотной переправы. Взводы один за другим спрыгивали на твердую почву, а затем, рассыпаясь цепью, бежали вслед за десантниками и самоходчиками.

Комбат Бакулин, видя, что бой почти выигран, оживленно раздавал нужные и ненужные команды. Заметив самоходку лейтенанта Зацепина, приказал:

– Догоняйте «хетцеров». А то весь бой ремонтом занимались.

Саша Зацепин, воевавший с весны сорок третьего года, дважды раненный, награжденный орденом и двумя медалями, скрипнул зубами от злости. В бой он вступил одним из первых, подбил «хетцера», но, получив снаряд в гусеницу, под огнем сумел произвести ремонт.

Два уцелевших «хетцера» уже исчезли в лесу вместе с остатками взвода охранения. Наверняка затаились в засаде и ждут, когда самоходки полезут их догонять. Начальство не даст им уйти далеко и не позволит русским расширить плацдарм.

Кроме того, у немецких пехотинцев имелись реактивные противотанковые ружья «офенрор». Эти полутораметровые трубы на расстоянии ста метров пробивали кумулятивными минами любую броню.

– Зацепин, что, один пойдет? – вмешался Карелин. – Надо дождаться пехотного батальона. Он уже на подходе.

– Пока ждем, немецкие танки появятся. У нас десантная рота имеется. Бери Зацепина, еще одну самоходку – и вперед.

Сам Бакулин лезть в глубину леса не считал нужным. Командир отряда должен остаться на отвоеванной позиции. Кроме того, вскоре должен появиться командир полка Тюльков, ему есть что доложить. Уничтожены четыре немецких «штуги», зенитная установка и противотанковая пушка. Его помощник насчитал восемнадцать убитых фрицев.

– Еще с десятков в горящих «штугах» остались, – не менее оживленно докладывал он. – Так что ударили крепко.

Карелин вместе с Иваном Евсеевым проверяли его избитую 37-миллиметровыми снарядами «сушку». Тело погибшего наводчика лежало накрытое шинелью рядом с машиной.

Бакулин подошел ближе, глянул на пробойны, тело наводчика и поторопил старшего лейтенанта:

– Не тяни волынку. Заводи машины, – и зашагал дальше.

– До конца батареи угробить хочешь? – огрызнулся вслед Павел Карелин. – Ванька чудом из поединка вышел. Эти зенитки танки пробивают, а Евсеев с его хилой броней вдребезги разнес установку. Потому что не растерялся.

Лейтенант Зацепин тоже осмотрел вмятины и заметил:

– Ванька не растерялся, а фрицы второпях чем попало садили: и осколочными и зажигательными. Если бы обоймы с бронебойными снарядами заранее приготовили, прикончили бы наш «фердинанд».

– Молотили и бронебойными, – самолюбиво заметил младший лейтенант. – Вон какие вмятины, и рубка в двух местах пробита.

– Нормально, Ваня. Уделал ты зенитку, – успокоил друга лейтенант Зацепин. – А в лес без пехоты бесполезно соваться. В упор сожгут из своих реактивных ружей оставшиеся «сушки».

Неизвестно, чем бы закончился спор, но заработала рация в машине Карелина. Командир полка Тюльков искал Бакулина.

– Он здесь, неподалеку. Позвать? – ответил в трубку Павел.

– Не надо. Доложи коротко обстановку.

– Плацдарм взяли, метров семьсот в глубину и километр по фронту. В строю шесть машин. Подходит пехотный батальон.

– Продвинуться вперед возможность есть?

– Опасно. Ввяжемся в бой – оголим фланги. Фрицы зажмут и сбросят нас в болото.

Подбежал Бакулин и выдернул из рук Карелина трубку:

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Высадились сравнительно благополучно, уничтожили четыре немецкие самоходки, оттеснили остальные силы в лес.

– Понял. Молодцы. Закапывайся глубже. Как с боеприпасами?

– Поизрасходовались, пока заслон выбили. Тут еще пушка была и зенитная установка. Тоже уничтожили.

– В общем, закрепляйтесь. Вперед пока не лезьте, – закончил разговор Тюльков. – Я буду через час.

Юрий Акимович Бакулин, взбудораженный удачным боем и похвалой командира полка, раздавал указания, шутил. Затем собрался сходить к командиру пехотного батальона, согласовать дальнейшие действия. На минуту придержал Карелина.

– Слушай, ты много на себя не бери. За обе батареи я отвечаю. Тебе не обязательно разговоры с Тюльковым заводить.

– Я только на его вопросы ответил.

– Мог бы меня сразу позвать.

Когда Павел, козырнув, шел к своим машинам, Бакулин вполголоса бросил вслед:

– В бою бы так шустрил!

В это же время шестерка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» обрушили на бревенчатую дорогу через болото серию авиабомб. К лету сорок четвертого года эти самолеты стали более уязвимыми из-за своей малой скорости (400 километров в час) и слабого оборонительного вооружения.

Но они имели два важных качества: бомбовую нагрузку до полутора тонн и высокую точность бомбометания. Фугасные «полусотки» проделали огромные бреши, переломав и раскидав сотни бревен. Повсюду зияли глубокие воронки, наполненные болотной жижей и обломками древесины.

Переправа была выведена из строя. Среди вывороченных бревен горело несколько вездеходов. По обочинам, проваливаясь по пояс в воду, связисты прокладывали телефонную линию. Саперы заново принялись за свою тяжелую работу, восстанавливать гать.

«Юнкерсам» не дали безнаказанно уйти. Появившиеся с опозданием скоростные «Яки» сбили три бомбардировщика. Четвертый, получив многочисленные пробоины, упал в болото. Лишь два «юнкерса», снизившись до минимальной высоты, едва не задев верхушки деревьев, сумели обратиться на свои аэродромы.

Экипажи самоходок спешно рыли капониры. Пехотный батальон расширял немецкие траншеи, маскировалась батарея «сорокапятков», рыли окопы для противотанковых ружей.

Пехотный комбат Петр Максимович Клычко, грузный дядька, лет под пятьдесят, был из породы старых солдат, начинавший свой военный путь еще в Первую мировую. Был старшиной роты, получившись, командовал взводом и долго носил два кубаря в петлицах (лейтенант). Несмотря на малое образование, его наконец поставили на батальон, которым он разумно и умело командовал уже полгода. Получил «майора» и второй орден.

Бакулин, угостив комбата папирисой, начал было показывать дымившиеся немецкие «штуги» и разбитую зенитную установку, но майора без конца отрывали от разговора подчиненные. Это раздражало капитана. Казалось, тот не обращал внимания на самоходчика, желавшего похвалиться своими успехами.

– Устарели ружья, – кивнул Бакулин на расчет ПТР. – У немецких танков броня минимум полста миллиметров.

– Сойдут на нашу бедность, – невозмутимо ответил Клычко. – В случае чего вы поддержите.

И замахал рукой, подзывая какого-то лейтенанта.

– Мы-то поддержим, только машин у меня маловато. Слышал, наверное, с переправы, какой тут бой разгорелся?

– Нас в это время «юнкерсы» фугасами глушили. Торопились на сушу выбраться.

Затем комбат приказал подошедшему лейтенанту выслать вперед две группы разведки.
– Далеко не углубляйтесь. Саперов с собой захватите, проверьте, не натыкали ли фрицы мин.

– Есть, – козырнул лейтенант.

– Твои не проверяли? – спросил комбат у Бакулина.

– Не до того было.

– Надо было позаботиться. Когда наступление продолжится, можем крепко вляпаться.

Ладно, я пошел по своим делам.

Вопрос насчет мин Бакулину не понравился. Конечно, ему надо было сразу выслать вперед разведку. И отделение саперов у него имеется. Замечание комбата неприятно кольнуло самолюбие. Ну и хрен с ним, с этим майором. Плацдарм не он, а Бакулин взял!

Много чего повидавший пехотный комбат мельком глянул на подбитые «штуги» и зашагал вдоль траншеи. То, что вражеские машины догорают, это хорошо. Однако для его батальона главным сейчас было хорошенько зарыться в землю на случай вражеской атаки и выяснить, какими силами располагают немцы.

Бакулин вернулся к своим. Павел Карелин вместе с младшим лейтенантом Евсеевым возились вокруг исклеванной зенитными снарядами самоходки.

Трое ребят крепче с помощью кувалды и куска железа заклепывали пробоины в броне. Грохот стоял оглушительный, и капитану это не понравилось. Он хотел сделать замечание, но понял, что шум сейчас не имеет значения.

После боя, в ходе которого русские закрепились на плацдарме, немцы знают место их нахождения. Звон кувалды пустяк, фрицы наверняка готовят контрудар, пока разрушена переправа и нет возможности перебросить дополнительные силы.

Еще один самоходчик мыл рубку. Когда выжимал тряпку и выливал воду из ведра, капитан заметил, что вода красная от крови. На некоторое время работа прекратилась, все козырнули Бакулину, даже строптивый старший лейтенант Карелин.

– Продолжайте, – кивнул капитан и осмотрел пробоины. – Крепко вас подковали.

– Машина в строю, – ответил Карелин. – А Иван Иванович молодец. «Штугу» поджег и зенитную установку раздолбал. Считаю, что орден заслужил.

– Кто это такой – Иван Иванович? – прищурился капитан.

– А вот, Евсеев Ваня.

Бакулин оглядел мелкого ростом невзрачного младшего лейтенанта в прожженном комбинезоне.

– Ну, положим, «штугу» другой экипаж уничтожил. Кажется, мой. Или не так?

Сказано было вроде в шутку, но капитан смотрел на Павла Карелина с долей вызова. «Штуга», которую уничтожил экипаж Бакулина, до этого получила два попадания, свернуло набор пушку, горело масло. Такую легко добить. Но капитан не желал отдавать какому-то младшему лейтенанту свою победу.

Карелин отвернулся, а Евсеев согласно кивнул:

– Так точно, товарищ капитан. Ваш снаряд фашиста добил.

Подошли четверо десантников с самодельными носилками и обратились к младшему лейтенанту:

– Мы забираем тело наводчика?

– Забирайте. Братская могила готова?

– Так точно. И ребята погибшие рядом лежат. Еще двоих из самоходки надо вытащить, когда она остынет.

– Ты, что ли, насчет похорон распорядился? – спросил Карелина капитан.

– Я, – коротко ответил Павел. – Командир десантной роты Александр Бобич занимается. Девять человек погибли.

– А у нас?

– Десантная рота в штат полка входит, так что все наши. С прошлой весны вместе воюем.

– Ты бы лучше позаботился насчет маскировки и готовности отразить немецкую контратаку. – Бакулин невольно повторил слова старого комбата Клычко.

– Мы этим и занимаемся. Я наводчика с утонувшей самоходки Евсееву передам. Не возражаете?

– Не возражаю. Вот это ты умеешь. Машины топить и с докладом к командиру полка вовремя подлезть.

Замечание было несправедливым. Карелин знал Бориса Прокофьевича Тюлькова с января сорок третьего (тогда он был зампотехом полка) и был поставлен на должность комбата именно Тюльковым. Однако хорошим отношением не злоупотреблял и с личными просьбами не лез.

Поэтому ходил почти год в старших лейтенантах, не напрашиваясь на капитанское звание. И получил наград не больше других комбатов, хотя имел на счету несколько подбитых немецких танков и самоходок, участвовал в рейдах и считался одним из лучших командиров в полку.

Два ордена Красной Звезды и две медали. Плюс четыре ранения. После одного едва оклемался, отлежав три месяца в госпитале.

Вскоре появился командир самоходно-артиллерийского полка Борис Прокофьевич Тюльков. С помощью саперов он вывел через полуразрушенную переправу бронетранспортер «скаут», который считался командирской машиной.

Подполковник Тюльков имел большой опыт, и командир корпуса запретил ему участвовать в атаках на самоходках с легкой броней.

– Угробят, кто полком руководить будет? Начштаба бумаги у тебя хорошо составляет, а замполит в тылу боевой дух поднимает. Да и не влезет он на «фердинанд» – слишком брюхо большое.

Борис Прокофьевич не спорил. Было время, водил полк в атаку, имел ранения. Сейчас руководил наступлением из своего «скаута».

Пока добрались до плацдарма, несколько раз застревали. С помощью лебедки кое-как вытащили завязший грузовик «порше» с тремя тоннами боеприпасов.

– Сто пятьдесят снарядов всего сумели подвезти, – выливая болотную жижу из сапог, сказал подполковник. – Харчей немного, махорки. Зато доктора привез. Раненых много?

– Человек пятнадцать, – ответил Бакулин. – Из них шесть-семь тяжелые.

– Сейчас разберемся, – кивнул хирург полковой санчасти.

Вместе с медсестрой и двумя санитарями он направился к соснам, в тени которых лежали раненые. Павел невольно поглядел вслед.

В прошлом году он встречался с медсестрой полковой санчасти Катей Маренковой. Любовь-нелюбовь – на войне трудно понять. Но решили, что если доживут до победы, то поженятся. Не получилось. Катя погибла в сентябре, переправляясь через Днепр. Буксир, на котором находились медсестры и санитары, угодил под тяжелый снаряд и затонул. Никто не выплыл.

Тюльков собрал короткое совещание. Сообщил, что саперы уже начали восстанавливать переправу, а пока главной задачей остается удерживать захваченный плацдарм. Было бы неплохо расширить его.

– Кто и что перед нами? – спросил подполковник Бакулина.

– Два уцелевших «хетцера», остаток взвода охранения. Наверняка фрицы подбросили подмогу.

– В каком количестве?

– Ну, пехоты немного, возможно, противотанковые пушки.

– Юрий Акимович, ты хоть разведку провел?

– Провел, но людей мало. Самоходки в порядок приводили, маскировали.

Вмешался пехотный комбат Клычко, который тоже присутствовал на совещании. Говорил он короткими рублеными фразами:

– Я послал две группы по пять человек. Высмотрели две «штуги», три полевые пушки, бронетранспортер. Пехоты там уже не меньше ста человек. Саперы мины ставят.

– И все?

– Думаю, в глубине еще какие-то силы есть. Ребята не смогли далеко проникнуть, обстреляли их. Один разведчик погиб, двоих подранили. Примерный план немецких позиций командир разведки накидал. Вот, гляньте, товарищ подполковник.

– Как думаешь, – спросил Тюльков, рассматривая план, – сумеем мы еще хотя бы на полкилометра продвинуться?

Клычко утвердительно кивнул.

– Думаю, сможем. Фрицы пока еще в себя не пришли, укрепления впереди отсутствуют.

– Нам как раз этого расстояния не хватает, чтобы переправу от прямого огня защитить. Но место здесь лесистое, самоходки следом за пехотой пойдут. Поддержат огнем. Иначе сожгут обе батареи из реактивных ружей, если машины вперед сунутся.

Майор покрутил головой, засмеялся.

– Чужими руками жар загрести хотите.

– Другого выхода нет. Останемся на этой открытой полосе – фрицы нас до вечера прикончат. Три полевых орудия у них имеются плюс «хетцеры». Подтянут еще минометы и перепашут наши позиции. Надо срочно вклиниться в лес, оттуда нас уже не вышибут. И сделать это как можно быстрее, пока немцы после своих потерь не опомнились.

Пехотный комбат и сам понимал ситуацию. Спорить и рассуждать, кому идти впереди, только время терять. Легкие самоходки и созданы для того, чтобы пехоту огнем поддерживать. С их броней напролом идти – верная гибель.

Надо бросать батальон в бой, захватить лесной участок и продержаться до ночи. Тем более атаку поддержат самоходки. А ночью переправу наверняка восстановят, подтянут артиллерию, пехоту, возможно, танки. Тогда уже легче дышать станет.

Атака прошла относительно успешно. Командиры рот свое дело знали и перебежками отвоевывали участок за участком. Самоходки шли следом, подавляя снарядами огневые точки.

Без потерь не обошлось. Погибли человек двенадцать, но спешно укрепляемую немецкую оборону проломили. Оба «хетцера» снова сумели уйти, но две полевые 75-миллиметровки уничтожили огнем самоходок.

Разбили прямыми попаданиями три пулеметных расчета и недостроенный дзот. Захватили среди трофеев несколько ящиков патронов и гранат, консервы, полевую кухню. Большинство своих убитых немцы унесли. Обнаружили шесть мертвых тел, взяли в плен молодого солдата лет девятнадцати.

На новом месте снова окапывались. Впрочем, часть траншей немцы уже вырыли. Настроение поднялось. Разжившись трофейным ромом и спиртом, некоторые бойцы, да и лейтенанты, ходили навеселе, предлагали выпить самоходчикам.

– Не спаивайте моих, – отгонял особенно назойливых Павел Карелин. – Если выпивши в бой пойдем, сгорим, как свечки. Реакция притупляется.

Хижняк взял протянутую фляжку и опустил ее в люк.

– После выпьем. За ваше здоровье.

– И за победу тоже!

– До нее еще дожить надо.

На временном командном пункте допрашивали пленного пулеметчика. Тот был уверен, что его расстреляют, однако держался с демонстративной уверенностью. На вопросы отвечал, но делал вид, что плохо понимает перевод.

Адъютант Тюлькова, лейтенант, закончивший два курса филологического института, за год пребывания на фронте немецкий язык освоил неплохо. Покраснев от злости, повернулся к подполковнику:

– Дурака валяет.

– Предупреди, если будет дурить, расстреляем. Нам с ним некогда возиться.

Но немец заговорил по-русски сам, обращаясь к Тюлькову:

– Господин оберст, можно подумать, что меня ожидает что-то хорошее. Ваш полк в окружении, с пленными возиться некогда.

– Для тебя место найдем, если разговор получится.

Пулеметчик знал немного. Сообщил, что скоро ждут прибытия артиллерии и штурмового батальона. Солдатам зачитали приказ о том, что в течение суток русский десант должен быть уничтожен.

– Смело держись, – усмехнулся подполковник.

– А чего мне терять?

– Собственная жизнь – это мало?

– Думаю, что из вас тоже немногие доживут до вечера.

– Сынок, ты, наверное, забыл какой сейчас год?

– Сорок четвертый, ну и что из этого? Думаете, если англичане с американцами открыли второй фронт, то вы уже победили? Напрасно. Сколько попыток наступать вы делали весной, и все они закончились неудачно. Вы и сейчас находитесь в окружении.

– Мне некогда заниматься болтовней, – резко оборвал солдата Тюльков.

Дальнейший разговор не получился. Солдат то начинал давать показания, то срывался на выкрики. Создавалось впечатление, что он либо перенес контузию, либо является убежденным нацистом и по-прежнему уверен в победе Германии.

Тюльков собирался приказать отвести пленного и посадить в одну из пустующих землянок, но внезапно начался обстрел. Не менее пяти-шести минометов вели беглый огонь.

В этом болотистом месте не было надежных укрытий. Вода выступала уже на глубине метра, а в низинах мутная жижа сочилась, едва начинали копать. Обычно глубокие, аккуратно замаскированные немецкие блиндажи и землянки возвышались хорошо заметными буграми.

Защищал в основном лес. Но десятки мин, взрываясь по всей площади, находили свои жертвы. Некоторые врезались в стволы осин и берез, разбрасывая с высоты веер осколков.

Гибли и получали ранения в основном молодые, необстрелянные бойцы. У них не выдерживали нервы: начинали метаться в поисках более надежного укрытия и падали один за другим.

Комбат Клычко открыл ответный огонь из четырех своих минометов. Командиры взводов хватали метавшихся солдат, валили на землю.

– Куда несешься? Совсем башку потерял?

– Лежать! От мины не убежишь.

– Вон траншея, ползи туда.

Тюльков поймал ухмылку на лице пленного. За месяц перед этим командир полка получил известие о гибели сына, недавно закончившего артиллерийское училище. Лицо подполковника дернулось в произвольной гримасе:

– Ты чему радуешься, фриц?

– Я не Фриц. Меня зовут Дитрих.

Это стало последней каплей.

– Выведите его!

Старшина Николай Шендаков, помощник командира взвода разведки, с ненавистью поглядывающий на пленного, вытолкнул его из блиндажа. Немец вцепился пальцами в дверной косяк.

– Пошадите, господин полковник!

Старшина, потерявший в этой войне половину родни, не раз видевший, как сгорают заживо в боях самоходчики, пинком выбросил наружу молодого нациста Дитриха.

– Поздно пощады просить! По нашим до последнего из своего пулемета сажил. Вон, от пороха вся морда закопченная. Старался, гаденыш.

Оттащив шагов на десять, дважды выстрелил из пистолета. Спасаясь от мин, вернулся в блиндаж и закурил. Руки старшины тряслись. Он воевал в самоходно-артиллерийском полку давно, но расстреливать пленных не приходилось.

Через какое-то время к минометам прибавились гаубицы, которые сосредоточили огонь на левом фланге. Затем началась контратака. Короткими перебежками немцы стремились вклиниться в оборону именно на левом фланге.

Обе батареи самоходок в отражении атаки пока не участвовали. Командир полка Тюльков не хотел, чтобы немецкие артиллеристы засекли замаскированные машины раньше времени.

Для легких «сушек» был опасен даже минометный обстрел. Рубка открытая, если мина влетит сверху, то три человека из экипажа будут наверняка убиты или тяжело ранены. Кроме того, был ограничен запас снарядов. Их берегли на случай танковой атаки.

Пехотный батальон майора Клычко пока справлялся. Но стрельба приближалась то в одном, то в другом месте. Иногда слышались взрывы ручных гранат, признаки близкого боя, который может вот-вот перейти в рукопашную схватку.

Десантный взвод держал вторую линию обороны и одновременно охранял самоходки от прорыва гранатометчиков и саперов. К машине Карелина подошел командир роты капитан Бобич. Оба закурили, прислушиваясь к стрельбе.

Павел помнил Сашу Бобича, долговязого младшего лейтенанта, начавшего свой боевой путь под Харьковом в марте сорок третьего. Тогда их батарея «сушек» спасла взвод Бобича, а младший лейтенант был поставлен командовать ротой.

Бывший недоучившийся студент, только что закончивший курсы младших лейтенантов, пытался ручным пулеметом отогнать немецкий бронетранспортер, чем сразу заслужил уважение и самоходчиков, и своих бойцов.

Много воды утекло с тех пор. Александр Сергеевич Бобич носил уже четыре звездочки на погонах, имел два ордена и несколько медалей. Скулу пересекал давнишний шрам, след осколка.

– Кажется, отходят фрицы, – сказал Бобич. – Стрельба отдалается.

– Значит, будем ждать нового обстрела. Начнут снова долбить, пока саперы переправу не восстановят и основные силы сюда не перекинут.

– Упорно немцы дерутся. Я думал, после Курской дуги будут бежать без остановки, – рассуждал капитан. – В газетах трубят, гоним фашистов. А они на Днепре три месяца держались. Помнишь, сколько на переправах людей погибло?

– Помню. Катя Маренкова там погибла.

– Неужели немцы верят еще в свою победу? Удар за ударом получают, а дерутся отчаянно. Взять хоть этого пленного. Чувал смерть, а вел себя нагло, гаденыш.

– Из Белоруссии прямая дорога на Германию. На своей земле они еще сильнее драться будут.

Заряжающий Костя Бурлаков с автоматом наготове следил за лесом, откуда могли появиться немцы. День близился к вечеру. В неподвижном воздухе звенели комары, которые ночью не дадут покоя.

– У, гад, сколько крови высосал, – звонко хлопнул себя по щеке Костя.

А через минуту зазвенела, набирая высоту, первая немецкая мина.

– Всем, кроме механика, в укрытие! – приказал Карелин.

Капитан Бобич спешил к своим десантникам. Экипаж самоходки Карелина укрылся в узкой неглубокой щели, где хлюпала под ногами болотная жижа. Правда, сверху соорудили двойной накат из березовых плах, но выдержат ли они обстрел?

Карелин перебежками проверил три другие самоходки своей батареи. Потерь пока не было. Но мины падали все гуще. Где-то впереди раздался крик раненого бойца, на пригорке горел сушняк.

В придачу к обычным осколочно-фугасным минам немцы пускали зажигательные, начиненные фосфорной начинкой. Сырая почва спасала от пожара, однако ядовитый серый дым заставлял людей вылезать из укрытий.

Падали «прыгающие» мины. Коснувшись земли, срабатывал вышибной заряд, и мины подскакивали вверх, взрывались на высоте человеческого роста, доставая бойцов в укрытиях. Росли потери. В нескольких местах мины угодили в траншеи и узкие защитные щели. Погибли и получили ранения около двадцати человек из пехотного батальона.

Еще одна мина попала в артиллерийский погреб, где хранились ящиков пять снарядов к «сорокапяткам». Большинство зарядов было бронебойным. Взрыв от детонации получился не такой и сильный, но вспыхнувший порох указал цель.

Новая серия мин обрушилась на орудийный расчет, выбив его почти целиком. Прямое попадание вывело из строя противотанковую пушку.

Фосфорная мина взорвалась рядом с самоходкой лейтенанта Зацепина. Пока тушили брезент и сбрасывали с брони комки горящего фосфора, сильно обгорел наводчик.

Все ждали темноты, когда восстановят бревенчатую дорогу и подойдет подмога. Но сапёров непрерывно обстреливали. Когда переправа была почти готова, на нее обрушила огонь батарея 150-миллиметровых гаубиц.

В течение сорока минут вновь проложенная дорога была разбита попаданиями тяжелых снарядов. Все это произошло ночью.

Теперь помощи ждать было бесполезно. Справа и слева продолжалась артиллерийская стрельба. Наступление, начатое утром 22 июня (из осторожности названное «разведкой боем»), продолжалось на широком фронте в 400 километров.

На рассвете 23 июня, когда уже была разрушена переправа и отрезанный десант ждал новой атаки, сразу в нескольких местах раздался грохот орудийной канонады. Отрезанный от своих, десант не знал, что после разведки боем началось основное наступление, известное в истории как операция «Багратион».

Глава 2. Удержать плацдарм

В ходе успешных наступательных операций к июню 1944 года советскими войсками была освобождена большая часть территории страны. Но оставались оккупированными более 70 процентов Белоруссии, некоторые северные области России, часть Западной Украины, Молдавия, Прибалтика.

В мае сорок четвертого года был подготовлен план операции по освобождению Белоруссии, получивший название «Багратион».

Линия фронта на этом участке проходила по реке Припять, восточнее Витебска, Орши, Могилева, образуя огромный выступ в сторону Москвы, в центре которого уже три года находился в оккупации Минск. Восточный край Белорусского выступа был менее чем в 500 километрах от Москвы. Расстояние очень небольшое и опасное.

Даже в сорок четвертом году после наших побед на Курской дуге, стремительного броска к Днепру, освобождения Киева немецкая авиация продолжала авиационные налеты на Москву. Об этом в средствах массовой информации не сообщалось. Налеты на столицу страны никак не вязались с бодрым тоном газет, где в каждом номере сообщалось об успехах Красной армии.

Большинство самолетов не могло прорваться сквозь сильный зенитный огонь и сбрасывало бомбы на окрестности. Но сам факт говорил об опасной близости врага к столице Советского Союза.

Красная армия в начале сорок четвертого года предприняла несколько попыток оттеснить немецкие войска и срезать Белорусский выступ. Удары оказались неудачными и обернулись большими потерями в людях и технике.

Можно говорить о недостаточной продуманности этих попыток, однако нашим войскам противостояла сильная и опытная группа армий «Центр». Самая мощная из гитлеровских группировок.

В сорок первом году она гигантским катком прошла от западных границ Советского Союза и была остановлена лишь под Москвой. Командующий группы фельдмаршал Эрнст Буш был твердо намерен удержать свои позиции в Белоруссии, а при возможности нанести ответный контрудар.

Если посмотреть на военную карту июня сорок четвертого года, сразу бросается в глаза, что при удачном наступлении Красной армии и освобождении Белоруссии наши части выходят на границу разбухшей, как паук, Германии. А расстояние до Берлина составит немногим более пятисот километров.

Гитлер видел эту опасность, но считал, что в таком месте русские ничего не добьются. Здесь была возведена мощная оборонительная линия глубиной свыше двухсот километров, получившая название «Фатерланд» (в переводе с немецкого – «Родина» или «родная земля»).

Никогда Беларусь не была родной землей для немцев. Все три года здесь велась ожесточенная партизанская война против оккупантов. Видимо, название давало понять солдатам вермахта, что это последний рубеж. Потерять его – означало открыть дорогу в Германию.

Система укреплений была защищена также лесными массивами, болотистыми поймами, множеством рек. Этот рубеж защищали один миллион 200 тысяч солдат и офицеров вермахта, около тысячи танков и самоходных установок, 1350 боевых самолетов, девять тысяч орудий и минометов.

Немецкое командование полагало, что сама труднопроходимая местность не даст Красной армии возможности провести здесь крупную стратегическую операцию. Гитлер считал, что главное летнее наступление будет южнее, на Украине. Именно там были сосредоточены основные немецкие войска.

Поначалу и Сталин сомневался в выборе направления главного удара – возникало слишком много сложных проблем. Болота и лес не дадут развернуться танковым и механизированным корпусам. После стремительного наступления к Днепру, взятия Киева, десятков других крупных городов советские люди ждали новых мощных ударов по врагу. За действиями Красной армии внимательно следили союзники, американцы и англичане, которые 6 июня высадились в Нормандии и открыли второй фронт.

Не завязнет ли наступление среди болот и многочисленных водных преград? В то же время Верховный главнокомандующий понимал, что, если операцию хорошо подготовить, ее успех переломит коренным образом обстановку на всем фронте.

Подготовка к операции «Багратион» длилась два месяца. В наступлении предстояло участвовать войскам четырех фронтов: 1-го, 2-го, 3-го Белорусского, а также Прибалтийского.

К сорок четвертому году Ставка располагала значительными стратегическими резервами. В краткие сроки был обеспечен более чем двойной перевес в людях. Наши войска в четыре раза превышали немецкую группировку в количестве артиллерии и самолетов, а соотношение танков и самоходных установок было больше в пять раз.

По численности войск и техники это была самая масштабная операция за три года войны. Готовили ее лучшие полководцы Красной армии: Жуков, Рокоссовский, Василевский, Черняховский, Баграмян и другие талантливые военачальники.

Успех начавшейся операции слагался из действий корпусов, дивизий и полков. Моей целью является не историческое исследование. Я показываю битву за Белоруссию глазами простых солдат и офицеров самоходно-артиллерийского полка и пехотных частей. Именно в беседах и встречах с «окопниками» – рядовыми, сержантами, лейтенантами, капитанами – я черпал материалы для своих книг.

Итак, я возвращаюсь к плацдарму, который заняли две батареи самоходчиков и пехотный батальон.

– Уничтожьте эти чертовы гаубицы! – кричал по радиации начальник оперативного отдела корпуса. – Они не дадут восстановить переправу.

Подполковник Тюльков мог только ответить «есть!», не задавая лишних вопросов.

Все было ясно и так. Разрушенная во второй раз переправа тормозила наступление наших войск, а для тех, кто находился на плацдарме, означало лишь одно – без подмоги они долго не продержатся. Словно прочитав эту мысль, начальник оперативного отдела, молодой полковник, предупредил Тюлькова:

– Плацдарм держать хоть зубами. Если немцы вас отбросят, придется брать его заново. А это лишних дня два или три. Понял?

Связь оборвалась, и Борис Прокофьевич Тюльков положил трубку. Приказал связистам проверить линию и подумал, что если немцы прорвут их оборону, то людей не сбросят, а просто уничтожат. Утопят, добьют среди обломков переправы.

Он обошел еще раз позиции, переговорил с комбатом Клычко. Боеприпасов, своих и трофейных, хватит, чтобы продержаться день. Самоходчики дежурили возле машин, замаскированных в неглубоких капонирах в сотне метров за пехотными траншеями. Старались не высываться, напряженно прислушиваясь к отзвукам оружейной канонады.

– Наши наступают, товарищ подполковник? – спрашивали его.

– Наступают. Бакулин, докладывай о любом движении немцев. Огонь открывать не торопись. Неизвестно, что нам тут готовят.

Когда вернулась разведка, посланная на поиски немецкой гаубичной батареи, вызвал к себе Петра Клычко, командира десантной роты Александра Бобича и командиров самоходных батарей Юрия Бакулина и Павла Карелина.

– Мужики, плацдарм держать, это само собой. Отступать нам некуда. Но с немецкими гаубицами надо что-то срочно решать. Николай Лукьянович, докладывай.

Старшина Шендаков развернул карту-двухверстку.

– Вот здесь, у южной оконечности, стоят четыре пушки. Судя по всему, шестидюймовые. Нашим с того берега их не видно, деревья закрывают. А переправа у немцев как на ладони. Бьют с закрытой позиции. Кроме артиллерийских расчетов, подходы прикрывает охранение. Видели один крупнокалиберный пулемет и пару «МГ-42», возможно, имеются минометы.

– Сумели протащить «шестидюймовки», а они ведь тонн шесть весят, – заметил Бакулин. – Что там за пушки?

– Короткий ствол, метра два, не больше, откатник во всю длину небольшой щит, – обстоятельно докладывал опытный старшина.

– Ясно, – сказал Тюльков, хорошо разбиравшийся в образцах немецкой артиллерии. – Скорее всего, это полковые орудия «С-33». Калибр 150 миллиметров, вес даже в походном положении менее трех тонн. Подходящая штука для переправы разбивать. И перетаскивать их в здешних местах удобно. Хоть лошадьми, хоть вездеходами.

После короткого совещания было решено направить для уничтожения батареи три самоходки, взвод десантников, пехотный взвод, отделение саперов и разведку.

– Самоходки возглавит Павел Карелин. Десантников, пехоту и саперов поведет капитан Бобич. Основной удар должны нанести десантники и саперы. С ними будет огнеметный расчет. Самоходки вводить в бой, только если возникнут осложнения.

Подполковник закурил папиросу, задумался. Спohватившись, пустил пачку «Эпохи» по кругу:

– Закуривайте, ребята, – потом в сердцах выругался. – Не возьмешь так просто эти гаубицы.

Все понимали, что любая тяжелая батарея охраняется усиленно. Орудия дорогие, эффективные в бою. Там могут быть и зенитное прикрытие, легкие противотанковые пушки, пехотный взвод с пулеметами.

– Тебе, Павел, наверняка пострелять придется, – продолжил Тюльков. – Действуйте по обстановке. Если сумеете огнеметом, гранатами и взрывчаткой обойтись – хорошо. Если нет, вступают в бой твои «фердинанды».

Когда готовили машины, начался минометный обстрел. Командир полка торопил ротного Бобича, затем приказал Карелину:

– Лейтенанта Зацепина оставь на позиции. Старшим в группе будешь ты. Но первый удар наносит капитан Бобич. Ясно?

– Ясно, – отозвались Карелин и Саша Бобич.

Павел Карелин получил из резерва еще одну самоходку. Это была командирская машина Тюлькова, которой он усилил батарею старшего лейтенанта, где остались в строю всего три «сушки». Сейчас одну из самоходов он оставлял в тылу, зная, что лейтенант Александр Зацепин при необходимости может заменить выбывшего командира батареи.

Подшли саперы, нагруженные взрывчаткой, батальонная разведка.

– Ну, с Богом, ребята!

Старый артиллерист Борис Прокофьевич Тюльков не ошибся. Немцы сумели подтянуть через низины и протоки батарею гаубиц «С-33». Хотя официально они именовались «тяжелые пехотные орудия», но для своего калибра 150 миллиметров имели в боевом положении (без лафета) сравнительно небольшой вес – всего 1700 килограммов.

Это позволяло расчету из 8–9 человек вручную, без помощи тягачей, перекатывать пушки на запасные позиции и быстро маскировать их.

Неожиданного и скрытного удара не получилось. Впрочем, на это мало рассчитывали и Тюльков, и Карелин. Поэтому группа была усилена пехотным взводом.

Отделение разведчиков во главе со старшиной Шендаковым разглядело дополнительный пост, выставленный совсем недавно. Трое немцев лежали в неглубокой траншее возле пулемета «МГ-42». Для того чтобы пройти дальше, требовалось либо менять маршрут и углубляться в лес, либо бесшумно уничтожить пост.

Николай Шендаков, жилистый, крепко сбитый рыбак с Азова, вместе с двумя помощниками решил обойти пулеметный расчет с тыла. Однако сделать это оказалось непросто.

Не зря такие места называют «гнилыми». Сырая земля была усеяна упавшими березами и осинами, которые подгнивали на корню. Кроме того, между кочками разведчиков подстерегали «болотные окна», участки жидкой почвы.

Заметить их было сложно. Сделав неосторожный шаг, человек проваливался по колено или по пояс. Шендаков попытался обойти опасный участок, но один из разведчиков наступил на ветку. Пулеметчики были настороже, сразу услышали треск и дали несколько очередей.

Действовать следовало быстро. Николай подполз ближе и бросил две «лимонки». Затем все трое разведчиков вскочили и кинулись к расчету. Навстречу ударила автоматная очередь, один из разведчиков был тяжело ранен. Расчет добили, но внезапность была потеряна. Раненого срочно понесли в тыл.

– Теперь только напролом, – связался по радиации с двумя своими машинами Карелин.

Два взвода во главе с капитаном Бобичем бежали к батарее. От них не отставали саперы и огнеметчик со своим помощником.

По наступающим открыли огонь из станкового пулемета «зброевка». Спустя минуту гулко замолотил крупнокалиберный пулемет. Самоходки не могли сразу подавить их огонь. Все три машины были вынуждены сделать крюк, чтобы не завязнуть в болотистой низине, над которой густым облаком кружилась мошकारа.

Оба взвода несли потери. Продвигались быстрыми перебежками под прикрытием ручных пулеметов. Получалась лобовая атака, которую всячески пытался избежать капитан Бобич, но не смог. Другого варианта не оставалось.

Немецкие артиллеристы выкатили из капонира одно из орудий и разворачивали его в сторону мелькнувших русских самоходок. Обер-лейтенант, командир батареи, отдавал команды второму расчету, который с трудом вытаскивал из вязкой земли вторую шестидюймовую пушку.

Александр Бобич понимал, что самоходки, которые вынырнут из ложбины, сразу же встретит снарядом орудие, уже изготовленное к стрельбе. Вряд ли оно промахнется. Через минуты вытолкнут наверх второе орудие – две тяжелые пушки будут вести огонь по самоходкам почти в упор.

Капитан пытался поднять в атаку оба взвода. Один хороший рывок – и бойцы забросают гранатами пушки. Но люди вжимались в землю. Спасались от плотных пулеметных трасс, которые свистели над головой, вонзались в вязкую почву.

Два пулемета уже свалили на землю не меньше десятка человек. Все они были убиты или тяжело ранены. Подняться означало угодить под плотный огонь. Место было открытое. Защитой могли служить лишь редкие кочки да хилые болотные осины, которые насквозь просаживали пулеметные очереди.

Младший лейтенант, пришедший в полк после шестимесячных курсов пехотных командиров всего месяц назад, еще не участвовал в боях. Лежа вместе с другими, он посылал короткие очереди из «ППШ» в сторону немецкой траншеи.

Больше всего он боялся прослыть трусом. Услышав капитана Бобича, торопливо поднялся в рост.

– Взвод! В атаку...

Вряд ли он успел бы выкрикнуть команду до конца. В его сторону уже летела трассирующая очередь. Спасая взводного от смерти, сержант рывком опрокинул его на землю. Плотная трасса скорострельного «МГ-42» прошла в метре от них.

– Куда ты? Пропадешь!

– Надо, – пытался подняться девятнадцатилетний младший лейтенант. – Надо вперед.

Вслед за «МГ-42» ударил крупнокалиберный «машингевр». Пуля калибра 13 миллиметров просадила с хлюпаньем кочку и тело бойца-автоматчика. Тот вскочил, но сумел сделать лишь пару шагов. Из-под правой лопатки, пузырясь, струей вытекала кровь.

– Не торопись, младшой, – сказал сержант. – Ротному положено кричать, а мы самоходок подождем. Без их поддержки – каюк. Диск смени, он у тебя, наверное, пустой. Палил в белый свет, как в копеечку.

Капитан Александр Бобич понял, что людей не поднять. Когда-то он сам прошел такие атаки в лоб, которые выкашивали половину взводов и рот. Сейчас он искал другой путь.

Извиваясь, как ящерица, полз к огнеметчику, который вместе с помощником прятался за обомшелым болотным валуном. Ротного сопровождал семнадцатилетний ординарец Минаев Андрей. Он подобрал полузамерзшего парня зимой в сгоревшей деревне и добился зачисления в десантную роту.

За спиной капитана вели огонь два ручных пулемета, пытаясь поддержать наступающих. Ближний из них перехлестнула трасса «МГ-42». Первый номер был убит, вышибло диск из зажимов. Второй номер расчета потянул «Дегтярев», чтобы перезарядить, но увидел, что казенник смят.

Вскоре замолчал и другой «Дегтярев», его достал крупнокалиберный пулемет. А командир роты вместе со своим ординарцем доползли до огнеметчиков.

– Чего лежите? Фрицы уже орудие развернули.

– Ты попробуй, сунься под пули с этим баллоном. Сгоришь, как свечка. Да и не достанем мы ихнюю пушку. Огнемет всего на сорок метров бьет.

– Ползем вместе, – капитан решительно потянул бойца за шиворот.

Семнадцатилетний ординарец подтолкнул второго огнеметчика:

– Двигай, не спи. Капитан, что ли, вместо вас воевать будет?

Расчет тяжелого орудия напряженно застыл на своих местах. Угол горизонтального обстрела пушки составлял всего одиннадцать градусов. Артиллеристы напряженно прислушивались к звуку моторов русских самоходок. Где они вынырнут?

Но опасность подстерегала расчет 150-миллиметровки с другой стороны. Старшина Николай Шендаков вместе с тремя бойцами своего отделения подползли к орудью на сто метров и открыли огонь из автоматов.

Через короткое время их засек расчет крупнокалиберного «машингевра», но они успели очередями из «ППШ» срезать двоих артиллеристов из расчета орудия и заставили остальных спрятаться за щит или залечь.

– Бей по орудью, – приказал огнеметчику капитан Бобич, пристраивая автомат.

– Далеко. Пришибут нас.

– Две жизни прожить хочешь, дядя? – выругался ординарец и дал очередь в артиллериста, вставшего за прицел орудия.

Младший сержант нажал на спуск своего ружья. Струя горячей жидкости выплеснулась метров на сорок, не достав пушку. Но полоса огня и черного смолистого дыма образовала клубящуюся завесу. Загорелся мох, добавив еще дыма.

– Жарь, дядя! – кричал ординарец Андрей.

Младший сержант уже понял замысел капитана и выстилал новые полосы шипящего огня.

Под прикрытием дымовой завесы к орудию приблизились разведчики и бросили несколько «лимонок», срезав осколками наводчика и еще одного из уцелевших артиллеристов. Массивное орудие стояло заряженное и готовое открыть огонь, но стрелять из него было некому.

Расчет «Дегтярева» сумел подползти поближе и точными очередями заставил замолчать крупнокалиберный «машингевер». Оба взвода поднялись и снова двинулись вперед. Однако усилили огонь остальные пулеметы, а через несколько минут снова замолотил крупнокалиберный «машингевер».

Атакующие бойцы залегли. Саша Бобич, недоучившийся студент, пришедший на фронт в начале марта сорок третьего зеленым младшим лейтенантом и уже набравшийся достаточно опыта, тоже лежал вместе с бойцами.

Расстояние до немецких позиций оставалось всего ничего. Но подняться и одолеть последние десятки метров было невозможно. Вели непрерывную стрельбу не только пулеметы, но и автоматы, винтовки. Летели, кувыркаясь в воздухе, гранаты-колотушки и взрывались в опасной близости.

Огнеметчики меняли баллон. Пуля, звякнув, пробила металл. Вскрикнул помощник младшего сержанта и пополз прочь от зеленого девятилитрового баллона, не обращая внимания на перебитое другой пулей запястье.

Больше, чем тяжелая рана, его пугала струйка горючей жидкости, вытекавшая из баллона. Ему приходилось видеть, как заживо сгорали люди (плавилась даже пряжки ремней), кричали от жуткой боли, тщетно пытаясь погасить, стряхнуть с себя липкое пламя.

Пуля, пробившая заполненный баллон, не дала искры. Это спасало обоих огнеметчиков и капитана Александра Бобича с его ординарцем. Все четверо торопливо отползали от разлившейся лужи, остро пахнувшей ацетоном.

Нервное напряжение заставляло немецких солдат ползти навстречу атакующим, гранаты падали все ближе. Пулеметчики, опасаясь внезапного рывка, стреляли непрерывно, порой толком не целясь, едва успевая менять раскаленные стволы. От спешки заклинивало затворы. Эффективность пулеметного огня снизилась. Капитан понял, что медлить дальше нельзя.

Он поднялся первым вместе со своим ординарцем. Следом вскочил младший лейтенант, стреляя с пояса из автомата. Взводы в очередной раз кинулись в атаку.

Наверное, она была бы отбита, но саперы бросили с полдюжину дымовых шашек, взорвался пробитый еще одной пулей баллон с горючей жидкостью. Дым мешал немецким пулеметчикам взять точный прицел, хотя трассы летели густо, находя новые жертвы.

Саперы подползали к орудию со связками взрывчатки. Артиллерийский унтер-офицер, старший расчета, раненный осколками «лимонки», несколько раз выстрелил из длинноствольного «люгера». Упал сапер с приготовленной к броску противотанковой гранатой.

Унтер-офицер, хоть и был ранен, не имел права оставить исправное орудие. Он скатился в капонир, где прятался один из подносчиков снарядов, держа наготове карабин.

– Где остальные? – спросил он, уставившись на унтер-офицера в изодранном окровавленном мундире.

– Русские прорвались.

Взорвалась противотанковая граната, выпавшая из рук раненого сапера. Унтер-офицер сменил обойму «люгера», он был намерен сражаться до конца. Подносчик боеприпасов, рослый упитанный солдат, выстрелил, не целясь, из карабина и потянул из чехла гранату-колотушку.

Две увесистые связки тола рванули, перекрыв грохотом стрельбу вокруг. Вышибло и отбросило в сторону смятое колесо, орудие осело набок, уткнувшись стволом в землю.

Обрушило бруствер капонира, завалив по грудь подносчика, так и не успевшего достать гранату. Унтер-офицер прошел со своей батареей путь от Франции и до Москвы. Под Смоленском он рушил фугасами укрепления русских и старые, красного кирпича здания.

Он с удовлетворением наблюдал, как удачно попавший в окно снаряд взрывался в тесном пространстве. Стена и крыша словно вспучивались от мощной взрывной волны, а затем разлетались, разваливаясь на куски.

Там же, под Смоленском, унтер-офицер накрыл шрапнелью скопившуюся на берегу Днепра, зажатую танками толпу русских солдат. Шрапнель была его коньком. Заряды взрывались точно на высоте трех десятков метров, а когда русские шарахались прочь, на выгоревшей траве оставались лежать каждый раз несколько убитых и тяжело раненных.

Под Москвой батареею смяли тяжелые «тридцатьчетверки», и унтер-офицер чудом ушел от смерти, отступая с полком через бесконечные снега и страшные морозы, которые убивали его камрадов не хуже, чем шрапнель. Тогда он потерял четыре пальца на ногах, сильно хромал, но в тыл его не списали.

Сегодня смерть снова подбиралась к нему. Собрав все силы, унтер-офицер, шатаясь, отходил к лесу, посылая пулю за пулей в своих преследователей.

Автоматная очередь перебила плечо, вышибла из руки «люгер». Сдаваться было поздно, и он попятился в отсечную траншею, где хранились снаряды.

Наверху показалась фигура светловолосого русского солдата. Унтер-офицер хотел крикнуть, что он ранен, сдастся и никогда не был нацистом. Он простой служащий, и у него трое детей.

Но русский исчез, а сверху упала граната. Она разорвалась среди массивных гильз, набитых мешочками с артиллерийским порохом.

Вспышка поглотила унтер-офицера, удачно начавшего эту войну и уже присмотревшего хороший участок земли под Смоленском. Правда, Смоленск снова взяли русские...

Он не почувствовал боли, когда взрыв сразу несколько фугасных снарядов смешал его вместе с болотной торфяной землей Полесья. Исковерканный «люгер» отлетел в капонир, где подносчик боеприпасов разглядел сквозь пелену в глазах русских солдат.

Выстрел из карабина, пробивший каску и голову, слился с взрывом снаряда. Из ложбины одна за другой, выныривали самоходки.

Второе оружие не успели толком развернуть. Оно оглушительно грохнуло, выбросив язык пламени. Фугасный снаряд весом тридцать восемь килограммов прошел в нескольких метрах от машины Карелина и взорвался в ложбине.

Наводчик Федосеев стрелял на ходу, нажав на спуск, когда машину подбросило на полной скорости в сорок пять километров. Но эта скорость и вираж спасли самоходку от последующего выстрела реактивного гранатомета «офенрор».

Это было несовершенное, хотя и сильное противотанковое оружие. Стрелок пользовался противогазом и перчатками, чтобы не обжечь лицо и руки раскаленными газами. Все это, а также сильная отдача мешали точному прицеливанию. Кумулятивная мина весом два с половиной килограмма взорвалась, вспахав пригорок. Во все стороны брызнули горящие комки, огонь охватил кустарник.

Командир второй машины, лейтенант Геннадий Рыбаченко, сидел за прицелом, не слишком надеясь на своего молодого наводчика.

– Дорожка! – крикнул он механику.

Если Карелин не мог позволить себе остановить машину, то теперь после выстрела оружия у экипажа лейтенанта имелись десять-пятнадцать секунд в запасе, пока немецкий расчет перезарядит тяжелое оружие. Скорострельность 150-миллиметровых пушек составляла всего три выстрела в минуту.

Геннадий воевал около года и стрелял неплохо. Остановка дала ему возможность тщательно прицелиться в стоявшее на открытом месте орудие. Расчет лихорадочно перезаряжал тяжелую пушку, но явно не успевал. Вначале требовалось загнать в казенник снаряд, а затем массивную гильзу с порохом.

Помогая артиллеристам, ударил еще один гранатомет, однако расстояние для него было слишком велико. «Трехдюймовку» «ЗИС-3», установленную на самоходной установке «СУ-76», немцы называли «раш бум» из-за высокой скорости снаряда – 700 метров в секунду. Почти сразу, следом за выстрелом, раздавался взрыв.

Однако этот выстрел оказался не точным. Снаряд рванул с недолетом, зарывшись в вязкую почву. Орудие встряхнуло. Наводчик, ударившись о прицел, свалился оглушенный под колеса. Его заменил командир орудия.

Механик самоходки, не дожидаясь ответного снаряда, гнал машину вперед, оглябая орудие с фланга.

– Щас он нам врежет... целиться надо было лучше, – бормотал он.

Старший унтер-офицер ловил в прицел и никак не мог поймать стремительно приближавшуюся самоходку. Тяжелый фугас взорвался позади машины. Увесистый осколок лязгнул о броню, еще несколько штук жутко просвистели над головами экипажа.

Заряжающий уставился на пробоину в метре от него, из которой торчал зазубренный, сплюснутый от удара осколок величиной с ладонь.

– Господи, – выдохнул он.

– Дорожка! – снова скомандовал лейтенант.

На этот раз Геннадий Рыбянченко не промахнулся. Трехдюймовый снаряд угодил под массивный сошник орудия, которое разворачивали сразу четверо артиллеристов. Сошник смяло и разорвало почти пополам.

Двое артиллеристов были убиты, двое других – отброшены взрывной волной и ранены осколками. Разбило приборы наведения, орудие вышло из строя.

Две другие 150-миллиметровки стояли поодаль. Их не успели выкатить на прямую наводку. В одну из пушек выстрелил с короткой остановки Павел Карелин. Снаряд обвалил капонир, засыпал орудие грудой земли.

Лейтенант Рыбянченко гнал машину к четвертой пушке, скрытой от него кустарником и мелкими деревьями. В сторону самоходки развернулся крупнокалиберный пулемет и ударил в борт машины. Пули лязгнули по боковой броне рубки толщиной 16 миллиметров, пробили ее в двух местах. Одна угодила и сбила с ног заряжающего.

– Разворачивайся к пулемету! – скомандовал лейтенант механику-водителю.

Поймав в прицел вспышки, нажал на спуск. Фугасный снаряд смел бруствер, сорвал со станка тяжелый ствол и раскидал разорванные тела двух пулеметчиков. Машина оказалась возле траншеи, откуда летели гранаты, и густо рассеивал трассы скорострельный пулемет «МГ-42». Здесь располагался стрелковый взвод, защищавший тяжелую батарею от танков и пехоты. Для самоходки, которая прорвалась сюда в одиночку, без сопровождения десанта – это было смертельно опасное место.

– Стой! Дорожка! – кричал Рыбянченко.

Наводчик подавал ему снаряды. Двадцатилетний лейтенант бил по траншее, разваливая пулеметные гнезда, разнес глубокий двойной окоп, где прятались со своими трубами минометчики. Мины, сдетонировав, выбросили фонтан обломков, сплюснутый минометный ствол. Загорелся фосфор в зажигательных минах, окутав траншею ядовитым белесым дымом.

– Что с Мишкой? – на секунду оторвался от прицела лейтенант и поглядел на скорчившееся тело заряжающего.

– Ребра сломаны, легкое пробито, – ответил наводчик – Доходит Мишаня...

Остаться на месте было опасно. Самоходка Рыбьянченко снова набрала ход, добивая траншею. Под днищем рванула противотанковая граната, оглушив механика. Неуправляемая машина завалилась одной стороной в траншею. Из отсечного хода вынырнул немец в каске, противогазе, с реактивным гранатометом на плече.

– Приехали! – ахнул механик-водитель, понимая, что на таком расстоянии немец не промахнется.

Целиться не оставалось времени, Рыбьянченко нажал на спуск. Снаряд прошел мимо гранатометчика. Но вспышка и струя раскаленных газов сбили немца с ног и, ломая тело, отбросили на несколько метров в глубину траншеи.

Смелой самоходке по прозвищу «брезентовый фердинанд» и ее экипажу осталось жить считанные минуты. Эти машины с противопульной броней шли в бой и погибали в атаках вместе с пехотой, которую поддерживали огнем своих орудий.

Геннадий Рыбьянченко неделю назад получил письмо от старшего брата, который два года считался пропавшим без вести. Выжил братуха! Находился в плену, был освобожден и скоро снова будет воевать. А ведь его, считай, похоронили, как и отца, погибшего под Ростовом. Теперь вместе повоем!

– Генка, фрицы с тыла! – закричал наводчик, нашаривая под ногами автомат.

Лейтенант среагировал быстрее. Выдернул из кармана комбинезона старый надежный «ТТ» (патрон уже был в стволе) и бросился в кормовую часть рубки.

Рыжеволосый немецкий сапер ловко прилепил к броне магнитную мину, похожую на сковородку с двумя ручками. Увидев направленный в лицо ствол пистолета, отшатнулся.

Пуля пробила каску и голову шустрого сапера. Остаток обоймы вылетел в его напарника, тащившего еще две мины.

– Машину мне угробить хотели, – зло бормотал лейтенант. – А вот хрен вам!

Перевесившись через край рубки, Геннадий пытался сорвать мину, но она прилепилась крепко. Открыв дверцу, прыгнул в траншею и потянул «сковородку» за обе ручки.

– Генка, не надо! – в отчаянии закричал наводчик, который почувствовал недоброе.

Сначала взорвалась магнитная мина, поставленная на боевой взвод, затем сдетонировали сразу с десяток снарядов и вспыхнул бензин в объемистом баке. Рванул оставшийся боекомплект, раскидывая в стороны скрученные куски брони, останки самоходчиков и немецких саперов. На месте славной машины «СУ-76», экипаж которой сражался до последнего, клубился огненный шар, выжигая все вокруг на десятки метров.

– Генка взорвался! – кричал заряжающий Костя Бурлаков, дергая Карелина за плечо.

– Вижу, – ответил старший лейтенант. – Подавай снаряд.

Остатки тяжелой батареи добивали с остервенением. Самоходчики видели, как горела вместе с экипажем «сушка» веселого лейтенанта Геннадия Рыбьянченко. Все, нет Генки! Даже похоронить нечего будет. И от ребят ничего не осталось.

Оба пехотных взвода понесли большие потери от пулеметного огня. Крупнокалиберные «машингеверы» оставляли рваные сквозные раны, от которых люди умирали в считанные минуты. Скорострельные «МГ-42», рассеивая плотные трассы, пробивали тела бойцов сразу в нескольких местах, дробили кости, превращали в месиво внутренности. «МГ-42» не зря называли «пилой Гитлера».

Теперь, прорвавшись через завесу огня, когда пулеметы были разбиты снарядами или раздавлены гусеницами самоходок, пехота добивала все живое.

Ординарец Бобича, Андрюха Минаев, бежал вперед, не отставая от капитана. Прошел очередь рослого артиллериста, который перезаряжал карабин. Патронов не жалел, а лицо с мягкими детскими чертами исказилось от злости. Тяжело раненный немецкий солдат все же сделал попытку вскинуть карабин.

– Не выйдет. Жри, гад!

Андрей снова нажал на спуск. В декабре сорок третьего, отступая, немцы сожгли его деревню. Андрюха, тогда ему было шестнадцать, потерял в один день отца и старшего брата. Шадить фрицев он не собирался.

Десантники окружили в траншее группу артиллеристов во главе с обер-лейтенантом. На предложение сдаться они ответили огнем, а затем дружно кинулись на прорыв.

Бежать было некуда. От леса их отсекали плотным огнем, и кустарник на краю болота стал последним убежищем. Автоматные очереди срезали кусты, находя лежавших среди кочек немцев.

– Уходим! – дал команду Павел Карелин. – Мы тут сами в окружении.

Увидел, что Евсеев Иван пытается достать огнем уцелевших немцев, передал по радиации:

– Не лезь, в трясику вляешься. Добей крайнее орудие.

Сам Карелин выпустил снаряд в оружийный погреб. Там вспыхивали гильзы с порохом, взрывались фугасные головки.

На машины спешно грузили раненых. Задание было выполнено, все четыре орудия разбиты, вмяты в землю. Теперь оставалось эвакуировать раненых и пробиться к своим.

С опушки леса били два миномета, стреляли из винтовок и автоматов уцелевшие артиллеристы и подошедшая к ним подмога. Самоходки огрызались редкими оружийными выстрелами, прикрывая отход десантников и пехоты.

До своих добрались, оставив позади еще нескольких погибших. Докладывал как старший по званию командир десантной роты капитан Бобич. Уничтожение тяжелой батареи обошлось дорого. Погибли двадцать шесть человек, более тридцати были ранены.

– Недешево нам эта батарея досталась, – качал головой подполковник Тюльков. – В операции, считая экипажи самоходов, человек девяносто участвовали?

– Около того, – кивнул Александр Бобич.

– Потери – две трети. Слишком много! Напролом лезли?

– А там по-другому невозможно, – вмешался Павел Карелин. – С одной стороны болото, с другой – лес. Одних пулеметов штук шесть было, из них два крупнокалиберных.

На этом разговор закончился. Тюльков объявил благодарность стоявшим перед ним бойцам и офицерам, сказал что-то о наградах. Но все понимали, главное сейчас – удержать плацдарм.

Немцы продолжали обстрел строящейся переправы из минометов и полевых орудий. Часть мин и снарядов летели в сторону пехотного батальона и самоходов. Дважды предпринимались контратаки. Последняя, уже перед закатом, была наиболее упорная.

Под прикрытием двух уцелевших «хетцеров» и минометного огня группы по 10–15 человек перебежками пытались вклинуться в оборону.

Это были рослые молодые парни в камуфляжных костюмах. Почти все были вооружены автоматами, часть из них имели новые штурмовые винтовки «МП-43» под уменьшенный винтовочный патрон.

Сюда перебросили специальную штурмовую роту. Хорошо подготовленные солдаты прокладывали путь плотным огнем и гранатами. Но бойцы десантной роты и пехотного батальона уже не уступали по опыту «штурмовикам».

Автоматные очереди и взрывы гранат раздавались до темноты. В самый напряженный момент Тюльков приказал открыть огонь из орудий самоходов. Осколочные снаряды, взрываясь в опасной близости от своих траншей, заволкли вечернее небо пеленой дыма от сгоревшей взрывчатки и тлеющего мха.

Оружийный огонь в упор страшен и для бывалых солдат. Выстрелы и взрывы сливались в непрерывный грохот. Рослые тренированные парни из штурмовой роты видели, как

осколки наносят смертельные раны их камрадам. Взрывы подкидывали разорванные тела, смятые каски.

Молодой капитан с рыцарским крестом, полученным за штурм Харькова в сорок третьем году, преодолел дымившиеся воронки, между которыми лежали тела его солдат.

За ним бежали с десятков наиболее смелых парней. Капитан в упор застрелил из «маузера» двоих красноармейцев, солдаты опустошали магазины автоматов, убив и ранив еще несколько человек.

Капитан Александр Бобич имел более скромные награды, однако науку ненависти постиг в полной мере. Расстреляв диск автомата, бросился на «рыцаря» и сильным ударом разбил о его каску приклад. «Маузеровская» пуля вырвала клочок кожи под ухом. Оглушенный капитан с руганью обрушил тяжелый казенник «ППШ» сбоку, целясь в шею.

Удар свалил немецкого офицера. Ординарец Андрюха, хрипло крича, стрелял в бежавшего следом ефрейтора. Тот упал, но рядовой Минаев продолжал нажимать на спуск автомата.

Началась рукопашная схватка, более похожая на свалку, где кричали, матерились на нескольких языках и били друг друга прикладами, ножами, саперными лопатками. Почти вся группа во главе с немецким капитаном осталась лежать возле траншеи.

Андрей Минаев подобрал «маузер» и выпустил остаток обоймы в сторону отступивших врагов. Его позвал Александр Бобич:

– Хватит палить. Помоги раненого перевязать.

– Сейчас...

Семнадцатилетнего ординарца трясло. Он с трудом отходил от горячки боя. Капитан Бобич помогал санитару накладывать шину на перебитую ногу молодого красноармейца, немногим старше Андрея. Парень дергался от боли, во рту закипала розовая слюна.

– Мамоньки... болит, сил нет. Отрежут ногу, да?

– Лежи спокойно, – прижимал его коленом санитар.

Он видел, что нога перебита почти надвое. Вряд ли парню доведется когда-нибудь сплестись. Дотащить хотя бы живым до санчасти, а там как бог даст. Андрей сунул «маузер» за ремень и принялся тоже помогать санитару. Капитан, в прожженной гимнастерке, расстегнув пуговицы, вслушивался в прерывистое дыхание сержанта, лежавшего недалеко от парня с перебитой ногой.

– Умирает он, товарищ капитан. Три пули в грудь словил, – сказал санитар.

– Дай бинт, перетяну потуже. Его в первую очередь к хирургу надо.

Тяжелораненый сержант с сильными мускулистыми руками с усилием приподнялся на локтях и отчетливо произнес:

– Выживу... один я у матери остался. Спасите, товарищ капитан...

В нескольких шагах пытался уползти немецкий офицер с неестественно вывернутой шеей.

– Куда? – наступил ему сапогом на спину красноармеец и выстрелил из карабина в голову.

Перевернув тело, снял золотистый крест, отстегнул часы, вытащил из карманов бумажник и документы.

– Часы себе оставь, а остальное сдай старшине, – не глядя на бойца, коротко обронил капитан Бобич. – Сержанта срочно в санчасть. Выживет, парень крепкий.

Немцы продолжали вести огонь из минометов, но переправу с наступлением темноты восстанавливали быстро. По узким мосткам, не дожидаясь, пока проложат бревенчатую гать, на плацдарм перебирались все новые пехотные взводы.

Карелин обошел три оставшиеся самоходки своей батареей. Костя Бурлаков сходил за ужином. Принес котелки с трофейной немецкой фасолью, открыли консервы.

– Выпьем, командир? – доставая фляжку, предложил Алесь Хижняк. – Повод имеется. Плацдарм удержали, тяжелую батарею размолотили.

– Выпьем, – согласился Павел. – Геннадия Рыбьянченко и его погибший экипаж помянем.

В небе взлетали ракеты, продолжали вести огонь немецкие минометы. Затем открыла ответную стрельбу наша артиллерия. Пришел сержант из экипажа Бакулина. Козырнув, сообщил:

– Вас, товарищ комбат, приглашает на ужин капитан Бакулин.

– Спасибо. Мы с ребятами собрались. Да и батарею оставлять не хочу. У нас всего три машины осталось.

– Сходи, Павел Дмитрич, – поддержал сержанта Алесь Хижняк, самый рассудительный и дальновидный человек в экипаже. – Обидишь товарища капитана.

Хижняк хорошо знал, что ходят слухи о возможном назначении Бакулина начальником штаба полка. Он самый грамотный из командиров батарей, имеет знакомства в штабе корпуса. Отношения Карелина и капитана Бакулина складываются не слишком гладко. Разные они люди. Но добра для третьей батареи не жди, если начштаба невзлюбит ее командира. Это понимал и сам Карелин.

– Алесь, остаешься за старшего. Если что, бегом за мной.

– Ничего не случится, – заверил Хижняк.

По дороге заглянул к своему заместителю Александру Зацепину.

– Саня, меня Бакулин на ужин пригласил. Не вовремя эти посиделки. Ты обойди батарею разок-другой и не засни, если сможешь.

– Смогу, – засмеялся старый товарищ. – Иди, налаживай контакты с будущим начальством. Правда, что его начальником штаба планируют?

– Хрен их там знает, – в сердцах сплюнул Павел. – Ходят слухи... Нам какая разница? Будет в блиндаже сидеть, ведомости составлять.

– Для него самое место, – согласился Зацепин.

Батарея капитана Бакулина находилась в полукилометре. Пока шел, Павла дважды останавливали посты, выставленные комбатом Клычко.

– Как там фрицы? – спросил он. – Не тревожат?

– Пока молчат, – ответил сержант, старший патруля. – Ракеты запускают, опасаются атаки.

Бакулин ужинал не один. Здесь находился комбат Клычко с одним из своих командиров рот. Подвыпивший майор обнял Карелина:

– Ну, ты молодец! Ребята рассказывали, как вы немецкую батарею раздолбали. Лихо срабатывали.

– Брось, Петр Максимович, – отмахнулся Павел. – Батарея, конечно, сильная была, но не слишком поворотливая. И обошлась она нам дороговато – шестьдесят убитых и раненых. Самоходка Геннадия Рыбьянченко вместе с экипажем сгорела. Так что хвалиться нечем.

Юрий Бакулин кисло улыбнулся, а его помощник разлил в кружки разбавленный спирт. Выпили, закусили трофейными сардинами и паштетом. Не к месту был сейчас этот ужин. Строительство переправы еще не закончено. Немцы хоть и получили по зубам, но могут ударить в любой момент.

– А где командир полка? – спросил Карелин.

– Ушел на переправу, встречать остальные батареи, – поторопился сообщить помощник Бакулина.

– Не бойся, имеем право отдохнуть, – закуривая папиросу, сказал Бакулин. – Заслужили.

Павел хотел заметить, что Борис Прокофьевич Тюльков к таким мелочам не цепляется, но промолчал. Разговор не клеился. Павел чувствовал себя не в своей тарелке. Кое-как отсидев с полчаса, заторопился:

– Извини, Юрий Акимович. Сам знаешь, в батарее всего три машины остались. Душа беспокойная. – А ты береги технику и под удары не подставляй, – слегка заплетающимся голосом, назидательно проговорил Бакулин.

Старший лейтенант снова промолчал. Ни к чему и дальше обострять отношения. Вместе с ним поднялся и направился к себе комбат Петр Клычко:

– Надо глянуть, а то фрицы что-то замолкли.

Однако ночь закончилась благополучно. Саперы восстановили переправу. По шатким бревнам медленно потянулся поток машин и людей. Механизированный корпус втягивался на плацдарм, готовясь с ходу продолжить наступление.

Глава 3. Горят деревни...

Я снова не могу обойтись без цифр. Страшной статистики той войны, которая навсегда останется в нашей памяти. Гитлер двинул свои войска на восток, чтобы, по его словам, «покончить с большевизмом».

В ходе Отечественной войны 1941–1945 годов погибли 18 миллионов мирных жителей Советского Союза. Это были не военные потери. Эти люди погибли в концлагерях и тюрьмах, во время бомбежек, умерли от голода, были расстреляны и сожжены за связь с партизанами, нелояльность к нацистам и просто убиты без всякого повода.

На востоке расчищалась территория для заселения ее немцами. Как и было предусмотрено в плане «Барбаросса».

Около двух миллионов человек, в том числе 80 тысяч детей, были уничтожены немецкими оккупантами за три года в Белоруссии, 380 тысяч человек, в основном юноши и девушки, были угнаны в Германию, где многие пропали без вести. Без этих цифр невозможно представить тот заряд ненависти, который накопился у мирных людей, у солдат и офицеров Красной армии.

Когда война после Курской дуги покатила на запад, Гитлер уже хорошо понимал, во что обернется эта ненависть. Перехватив наш лозунг начала войны «Ни шагу назад!», он всячески пытался остановить наступление советских войск.

Витебск, Могилев, Бобруйск и другие крупные города Белоруссии были объявлены крепостями. «Города-фестунги», которые обязаны сражаться до последнего человека, даже в условиях полного окружения. Дальше Белоруссии русские не пройдут, завязнув в «стальной» немецкой обороне!

Ну, что же, посмотрим...

А пока, после первых же ударов Красной армии и прорыва обороны, подтягивались новые войска, чтобы остановить советское наступление. И одновременно взрывали, жгли все, что могли уничтожить. Если все же придется отступать, то пусть позади останется мертвая земля.

Самоходно-артиллерийский полк подполковника Тюлькова в составе других войск 3-го Белорусского фронта продвигался в сторону города Витебска, где была сосредоточена крупная немецкая группировка.

Танковая бригада, наступавшая впереди, натолкнулась на упорное сопротивление. Полк Тюлькова, два пехотных батальона на автомашинах и танковый батальон были направлены в обход для нанесения флангового удара.

Двигались без отдыха уже вторые сутки, вступая в бои с немецкими заслонами. Заканчивалось горючее. Было принято решение остановиться, дать людям немного отдохнуть, дожидаться бензовозов и машин с боеприпасами. Затруднял передвижение сильный дождь, который шел почти не переставая. Дороги размыло, а низины превратились в озера. Моторы перегревались, выходили из строя. Ремонтировать приходилось порой по колено в воде.

Подполковник Тюльков, бывший зампотех полка, имел одну из лучших ремонтных рот, что позволяло в короткие сроки восстанавливать технику. Помогали два трофейных тягача и сварочный генератор, которые Тюльков высмотрел среди брошенной немцами техники.

Механики-водители вымотались от постоянного напряжения больше других. Воспользовавшись передышкой, сразу заснули. Дождь барабанил по натянутому над рубкой брезенту, просачивался сквозь мелкие отверстия от осколков. Крупные дырки кое-как залатали перед наступлением.

Павел оглядел свой экипаж. Наводчик Никита Федосеев и заряжающий Костя Бурлаков тоже спали, накрывшись шинелями и запасным брезентом. Карелин прыгнул с машины и

пошел навестить старого товарища Захара Чурюмова, тоже командира батареи, с которым вместе воевали с января сорок третьего.

Забайкалец Чурюмов командовал первой батареей, «капитана» получил еще зимой. Старше других по возрасту, он был рассудительным, принимая верные решения в сложных ситуациях. Один из немногих в полку, кроме других наград, он имел орден Красного Знамени.

Чурюмов числился в резерве на выдвижение и как командир первой батареи, в случае гибели или ранения командира полка, должен был заменить его в бою.

Однако насчет возможного повышения Захар Чурюмов чаще отшучивался. По сравнению с Бакулиным ему не хватало образования.

– Ничего, – смеялся Захар. – Если и капитаном в село вернусь, тоже неплохо. У нас старше лейтенанта никого пока нет. Покрасуюсь с новыми погонами... если доживу.

Чурюмову, как и Карелину, тоже не спалось. Постояли немного под дождем, затем направились к Александру Бобичу, чья рота занимала полуразрушенный коровник. Капитан сидел вместе со своим старшиной и добивали фляжку с водкой.

– Хлебнете? – предложил Александр. – У нас сало хорошее есть. Настоящее, белорусское. Подкопченное, с чесночком. Самая классная закуска к водке.

– Хлебнули бы, – взяв с самодельного стола кусочек сала, с сожалением вздохнул Чурюмов. – Но чую, долго не простоим, а на пьяную голову батарею в бой вести последнее дело. А вот сала попробуем. Чайку бы еще кто организовал.

И вопросительно глянул на старшину. Тот закивал и через пяток минут принес чайник. В присутствии Чурюмова пить водку старшина постеснялся и разлил всем по кружкам горячий чай.

Обменялись последними новостями. Захар с двумя батареями в разведке боем не участвовал, но в первый день наступления потерял одну машину.

– Весну прошлого года помните? – не спеша отхлебывал чай капитан Чурюмов. – Под Харьковом с немецкими танками схватились. Громадинами казались, особенно «Т-4». Хотя пушка, как обрубок, короткая была, смотреть не на что. Позавчера натолкнулись на танковую засаду, думали, вот они «тигры».

– Ну, и кто это был? – спросил Бобич.

– Те же «Т-4», но фрицы их крепко усилили. Орудие длинноствольное, броневые экраны по бортам. Шарахнули из трех стволов, две «тридцатьчетверки» сразу подбили и одну «сушку» из моей батареи.

– И чем все закончилось? – спросил Саша Бобич, разгрызая крепкими зубами комок сахара.

– Те три машины сгорели, как свечки. Фрицы кумулятивными зарядами били. Сами знаете, поджигают технику в момент. Танкистам не повезло, из экипажей мало кто успел выбраться. Пока до люка доберешься, все горит. Моя самоходка тоже сгорела, но из рубки трое успели выпрыгнуть. Вот тебе и «брезентовый фердинанд». Открытая рубка часто спасает.

– Фрицев-то победили?

– Победили, хоть и с потерями. Новые «тридцатьчетверки» мне понравились. Сильные машины и пушка 85 миллиметров. Никаких рикошетов, броню насквозь прошибает.

Посидели еще с полчаса и разошлись. Среди ночи Карелина разбудил посыльный из штаба полка.

– Товарищ старший лейтенант, вас подполковник Тюльков вызывают.

– Что там случилось? – с неохотой вылезая из-под шинели, спросил Павел. – Война, что ли, кончилась?

– Ну, вы скажете, – засмеялся посыльный в звании младшего сержанта. – Наступление только началось. Под Шумилине такой бой идет!

– Что, даже в штабе слышно? Пушки спать мешают?

Младший сержант с медалью «За боевые заслуги» недоволен засопел. Как и все штабные, он был самолюбив и считал, что вместе с другими писарями находится на ответственном участке.

Проснулся механик-водитель Алесь Хижняк. Зевая, уверенно заявил:

– Ну, все, поспали. Теперь среди ночи обязательно куда-нибудь выдернут. Так, что ли? – обратился он к посыльному. – Снова наступаем?

– Не знаю. Там сообщат.

– Не знаю! – передразнил его старший сержант. – За что медаль получил? В немцев, что ли, стрельнул?

– Бывало, и стрелял, – поправляя на плече автомат, сказал писарь.

– Ой, не ври. Ты же их близко ни разу не видел.

– Угомонись, – оборвал механика Карелин, который уже затянул португеею и одергивал гимнастерку. Кивнул посыльному: – Пошли! Да не жми так автомат, а то стрельнешь случайно. Не бойся, фрицев поблизости нет.

– И вы туда же, товарищ старший лейтенант, – окончательно обиделся писарь. – Я разве виноват, что меня в штаб направили?

– А ты к нам в десант просись! – крикнул вслед тоже проснувшийся наводчик Федосеев. – Будет что девкам рассказать.

Младший сержант на очередную подковырку ничего не ответил.

Штаб полка размещался в более-менее уцелевшем доме. За столом, при свете керосиновой лампы, сидели подполковник Тюльков, начальник штаба Банников, особист Артюхов и командир десантной роты Александр Бобич. Еще Павел разглядел двух бородатых мужчин. По шапкам с красными лентами понял, что это партизаны.

– Слушай, Карелин, – без предисловий заговорил особист капитан Артюхов, – важное дело тебе предстоит.

Особисты, или, как их сейчас именовали, «смершевцы», нередко вели себя в присутствии командиров подразделений излишне самоуверенно. Давали понять, что, несмотря на невысокие звания, обладают особыми правами. Капитан Илья Артюхов был проще, не делал из своей работы великой тайны. А то, что влез вперед командира полка, видимо, имел с ним договоренность.

Карелин вопросительно посмотрел на подполковника. Тюльков в разговор пока не вмешивался. Промолчал и Карелин, ожидая продолжения.

– Товарищи из партизанского отряда сообщили, что каратели деревни жгут, а людей на запад угоняют. Тех, которые сопротивление оказывают, на месте стреляют. Вот твари фашистские!

– Твари, – закивали оба партизана. – Чуют, что Красная армия на подходе, и сжигают все подряд.

– Мы связались со штабом дивизии, и нам поручили оказать помощь товарищам. Не дожидаясь, пока продвинутся вперед остальные войска, нанести удар и уничтожить отряд карателей.

– Далеко отсюда? – спросил Павел.

– Километров семнадцать.

Начштаба Банников развернул карту, партизаны показали место. Сообщили, что вышли еще днем, надеясь добраться до передовых частей под прикрытием дождя, однако у немцев кругом посты и заслоны.

– Один из ребят погиб, другого сильно подранили, – рассказывали партизаны. – Вот, из шести человек мы двое добрались. Наш отряд и сам бы удар нанес, но за последние недели большие потери понесли, когда железную дорогу взрывали. Рельсовая война. Знаете, наверное.

– Знаем, – кивнул Тюльков. – То, что движение по «железке» перекрыли, – большое дело.

– У карателей броневики, минометы, – продолжал партизан постарше. – Пытались засаду организовать, снова потери понесли. Против минометов не очень-то разбежишься, да и на бронетранспортерах тяжелые пулеметы. На километр каждый куст простреливают.

– Готовить к выходу батарею? – спросил Карелин.

– Мы тут обсуждали, – неторопливо проговорил Тюльков. – Хотели дать тебе отдохнуть и направить с партизанами первую батарею Захара Чурюмова. Но у него двигатель на одной машине барахлит. В четвертой батарее командир новый, еще толком не обкатанный.

Насчет комбата-2 Юрия Бакулина речи не заводили вообще. Видимо, руководство полка осталось не слишком довольным его действиями на плацдарме.

– Возьмешь с собой взвод десантников, саперов, ну, и разведку. Десантниками пусть капитан Бобич руководит, он, кстати, и по-немецки неплохо говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.